

Литературная газета

Суббота, 15 августа 1936 г.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 46 (609)

ТОВАРИЩИ СТАЛИН, ВОРОШИЛОВ И ГЕРОИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ЧКАЛОВ, БАЙДУКОВ И БЕЛЯКОВ НА ШЕЛКОВСКОМ АЭРОДРОМЕ.

Бдительность!

Над браком капиталистической ночи, над грязным и кровавым миром капитализма непрестанно скалываются наша страна, твердыня победившего социализма, отечество свободного и радостного труда, надежда и радость трудящихся всего мира. Охваченные вдохновенным творческим энтузиазмом, многомиллионные народные массы, руководимые мудростью нашей партии, гением нашего Сталина, преодолевают все препятствия, победно строят новую, счастливую жизнь. Невозможно учесть и подсчитать все проявления творческого гения социалистического народа, каждодневно и каждочасно возникающие на всех участках нашей работы, нашей борьбы. Страна героев — так по праву называют Советский Союз его друзья во всем мире. Молодое, прекрасное племя героев, передовых строителей социализма радостно живет, горячо и самоотверженно работает в нашей стране.

Любовь народных масс к своей стране, к ее великому вождю, то могучее чувство советского патриотизма, которое вдохновляет рабочих, колхозников и всех трудящихся нашей страны, с особенной силой вспыхивает сейчас, в дни опубликования и всенародного обсуждения великой хартии побед — Сталинской Конституции. Советский народ не боится препятствий. Он безраздельно предан идеям коммунизма, коммунистической партии и великому вождю трудящихся. Под руководством Сталина народы нашей страны прошли героический путь замечательных побед и свершений, победили в гражданской войне, ликвидировали эксплуататорские классы, реализовали и воплотили в жизнь планы двух пятилеток, превратили страну в могучую и грозную для врагов индустриальную державу. Под руководством Сталина народы разгромили все попытки врагов нарушить железное единство партии, являющееся основой наших побед, главнейшей предпосылкой всех успехов социалистического строительства.

Было бы, однако, величайшей ошибкой думать, что враг, разгромленный в открытом бою, не предпринимает и не будет предпринимать все новых и новых попыток помешать социалистическому строительству. Ведь наши успехи — их гибель, и чем больше побед одерживает наш народ, тем яростнее ненавидят нас злобные и гнусные враги. Публикуемое нами сегодня сообщение о гнусных преступлениях, учиненных негодяями на бандах шайки Троцкого — Зиновьева — Каменева, вызывает величайший гнев народа.

Разгромленные наголову, презренные и проклятые народными массами, не имеющие за душой ничего, кроме гнусного желания любой ценой пробраться к власти, эти выродки прибегают к самым отвратительным, к самым отравленным средствам борьбы с революцией, с партией, со всем народом и его вождями. Руки их обгажены кровью народного трибуна, бестрепетного борца за коммунизм — Сергея Мироновича Кирова. Прозносив по всякому поводу покаянные речи, бия себя в грудь и проливая липешные слезы, эти продавшиеся фашистским охранкам прохвосты тайно готовят новые удары, замысливая новые козни против советской власти, против вождя партии.

Троцкий, Зиновьев и Каменев, сблизившись между собой и неразумно сплотившись с фашистской тайной полицией, с международными, антисоветскими центрами белогвардейщины, шпионажа и белого террора, пытались повести свою прогнившую банду матерых двурушников, предателей и белогвардейских террористов против завоеваний Великой Пролетарской Революции, против победившего социализма.

Циничное двурушничество — основной метод «работы» наймитов международной контрреволюции. Пользуясь всякой щелью, всяким рознозьем, притуплением классовой бдительности и гнилым либерализмом всевозможных чинш в партийном и советском аппарате, маскируясь всеми средствами и способами, они пролезают в партию и советский аппарат, в такие места, откуда легче напасть, принести вред, нанести предательский удар в спину. Троцкий — Зиновьев — Каменев и кучка их огодящих приспешников — хитрые, жестокие, отвратительно циничные, подлые, трусливые, остателые от злобы враги социалистического народа, враги нашей родины.

Уже давно исчезли все грани между троцкистско-зиновьевскими последышами и бандой кулаков, шпионов, колчаковских и врангелевских карателей, диверсантов и террористов, пылающих лютой ненавистью к трудящимся. Как и подобает передовому отряду контрреволюционной буржуазии, эти люди выдвигают белый террор как средство борьбы с коммунистической партией и ее вождями.

Величайший гнев народных масс обрушился на негодяев и предателей, пытающихся помешать строительству социализма. Презренные двурушники, белогвардейские выродки будут наказаны по заслугам. Трудящиеся массы нашей страны хорошо помнят гневные и пламенные слова великого Горького: «Если враг не следает, — его уничтожают». Выбросившие в помойную яму истории, презренные враги народа найдут свою беславу гибель.

Но этого мало. Беспощадная борьба с троцкистско-зиновьевско-каменевской бандой это не кончается. Расстреляны, беспринципны, дошедшие до самых глубин политического и морального разложения авангард контрреволюционной буржуазии не сложит оружия, не оставит своих попыток вредить нам как извне, так и внутри страны. Большевицкая бдительность — вот то, без чего невозможно до конца разоблачить и добить троцкистско-зиновьевскую гадюку. Постоянная бдительность, стальная бдительность и зоркость, умение распознавать врага, под какими бы обличьями он не скрывался, способность и идейная непримиримость партийных, советских и общественных организаций — самое верное и могучее оружие борьбы с белогвардейскими выродками. Враг стремится проникнуть в нашу среду, враг ходит среди нас — это должно всегда помнить каждый настоящий большевик, каждый честный беспартийный труженник.

В среде литераторов мы имели немало проявлений гнилого либерализма, притупления классовой бдительности, рознозья, а иногда и прямого попустительства в отношении маскирующихся врагов. Партийная организация писателей в Москве не проявила тех качеств высокой большевицкой бдительности, которые требуются от каждой партийной организации. Среди беспартийных литераторов также не велось достаточной работы по повышению бдительности и идейной непримиримости. Воспитанию высокой принципиальности и идейной непримиримости.

Такому положению должно быть положен конец. Большевицки бороться за чистоту наших рядов, за изгнание из нашей среды всех враждебных, морально и политически разложившихся элементов! На гнусные преступления пролажной троцкистско-зиновьевской сволочи вся страна ответит великим гневом, ненавистью и презрением к врагам. Негодяи будут обезврежены. Подъем большевицкой бдительности, жестокий отпор всем и всяческим проявлениям предательской «работы» врага создадут такую обстановку, в которой невозможно будет подлая деятельность проклятых убийц, пытающихся препятствовать нашему движению вперед, к новым победам над темными силами старого мира!

Прием Героев Советского Союза Чкалова, Байдуклова, Белякова в Кремле

13 августа в Большом кремлевском дворце собрались руководители партии и правительства, летчики, конструктора и инженеры, работники тяжелой промышленности и Красной Армии чествовать Героев Советского Союза Чкалова, Байдуклова, Белякова.

Появление товарищей Сталина, Орджоникидзе, Ворошилова, Л. Кагановича, Калинин, Чубаря, Ежова вызывает бурю приветствий и горячие овации. Под гром аплодисментов руководители партии и правительства занимают места за столом рядом с Героями Советского Союза Чкаловым, Байдукловым, Беляковым и их семьями. Тут же присутствуют Герои Советского Союза Громы, Володьков и Слеснев.

Тов. Орджоникидзе провозглашает тосты в честь тов. Чкалова, который своим героизмом показал всему миру, на что способны большевики, в честь друга Чкалова, прекрасного летчика Байдуклова, в честь блестящего штурмана Белякова и за самых близких Героев Советского Союза, — за их жен, за детей, матерей и отцов, сестер и братьев. Присутствующие устраивают Героям Советского Союза бурную овацию.

Товарищ Орджоникидзе говорит, что героический перелет Чкалова, Байдуклова, Белякова является результатом побед социализма в нашей стране. Не будь Октябрьской революции, которой руководил гениальный Ленин и ее гениальных вождей — Ленина и его величайшего ученика Сталина (звон стальной приветствует товарища Сталина), также перелеты и вообще все героическое в нашей стране было бы невозможно. Все наши победы — это победы партии, — партии, которая взяла власть в октябре, партии, которая под железным руководством Ленина — Сталина победила в гражданской войне. Судьба революции

зависела от того, сможет ли Ленин соединиться с Колчаком на Волге. Этого не случилось только потому, что товарищ Сталин железной рукой заштил Партию от белогвардейской контрреволюции. Волна контрреволюции на Волге разбилась о большевистский гранит. Этим гранитом был товарищ Сталин (бурные овации в честь товарища Сталина).

Я провозглашаю тост, — говорит тов. Орджоникидзе. — за нашего руководителя, за нашего друга и учителя, за организатора всех наших побед, за того, по чьему маршруту и с чьей помощью вся наша великая страна идет вперед и вперед — за великого Сталина, «ура!» (Наскочили бурные аплодисменты, все встало). Раздаются приветственные возгласы по адресу товарища Сталина. Овациям нет конца).

Затем тов. Орджоникидзе провозглашает тосты за председателя ЦИК СССР тов. Калинин, за вождя Красной Армии и одного из руководителей нашей партии — за маршала Советского Союза тов. Ворошилова; за железного наркома транспорта, одного из руководителей партии — за тов. Кагановича; за отсутствующего здесь руководителя Советского правительства и одного из руководителей партии — за Председателя Совета Народных Комиссаров СССР тов. Молотова.

Присутствующие горячими продолжительными аплодисментами приветствуют тт. Молотова, Калинин, Ворошилова и Кагановича.

Тов. Ворошилов поднимает бокал за того, кто уже 30 лет является другом и соратником товарища Сталина в революционной борьбе, за того, кто руководит тяжелой промышленностью, являющейся основой основ социалистического строительства, — за замечательного Серго Орджоникидзе.

Звон приветствует тов. Серго Орджоникидзе, организатора героического

перелета, бурными и горячими аплодисментами. Присутствующие устраивают тов. Серго бурную овацию.

Тов. Орджоникидзе провозглашает тост за прекрасные коллективы заводов и научно-исследовательских институтов которые создали «АНТ-25», за прекрасных рабочих, за инженеров, за техников не только тяжелой промышленности, — ибо, — говорит тов. Серго, — все народное хозяйство принимало участие в создании самолета «АНТ-25», — за талантливейшего конструктора самолета тов. Туполева, за талантливейшего конструктора мотора тов. Микулина и за руководителя авиационной промышленности тов. Михаила Кагановича.

Тов. Серго говорит о том, что героический перелет «АНТ-25» показал — наша тяжелая промышленность может производить самолеты в моторы по последнему слову техники. Надо, — продолжает тов. Орджоникидзе, — чтобы все наши самолеты и моторы, которые мы делаем в будущем делать были качеством еще лучше. Известно, — обращается тов. Орджоникидзе к работникам тяжелой промышленности, — дать такие самолеты и моторы, которые летали бы в любых условиях, которые летали бы еще выше, еще дальше, еще быстрее.

Слова тов. Орджоникидзе покрываются бурными овациями и нескончаемыми аплодисментами.

Тов. Чкалов произнес замечательную речь. Он говорил, что в богатом русском языке он не находит более глубокого, более теплого слова, чтобы выразить все то, что он и тысячи других людей переживают в связи с перелетом и со встречей в Москве, чем слово Сталин.

— Вся наша великая страна, весь 170-миллионный народ, — говорит тов. Чкалов, — летели вместе с нами, а нашим штурманом был великий Сталин. Повторю этот перелет так

близок всем людям Советского Союза. Мы летели на замечательном самолете. Спасибо вам, Андрей Николаевич Туполев, — говорит тов. Чкалов, обращаясь к нему, — спокойной делайте.

— Спасибо вам, тов. Микулин, конструктор великого мотора, и вам, тов. Марьямов, директор завода, который выпустил этот мотор.

— Мы не могли бы закончить свой перелет, если бы не было таких людей, как инженер Стоман и как механик Бердник.

— За великую награду, — продолжает тов. Чкалов, обращаясь к товарищу Сталину, — за такую встречу, разрешите нам, товарищ Сталин, повторить этот маршрут (бурные аплодисменты). — Все, — продолжает тов. Чкалов, — что было на машине, в машине и сама машина, — все было прекрасно. Это все нам дала тяжелая промышленность, которой руководят лучшие наши ученые, наш Серго Орджоникидзе (бурные овации по адресу тов. Орджоникидзе).

Чкалов далее зачитывает письмо, которое прислал охотник с острова Удл товарищу Сталину. Товарищ Сталин криво пожимает руку Чкалову и смеется ему.

Все присутствующие устраивают товарищу Сталину и Героям Советского Союза бурную овацию.

Затем выступают с теплыми речами Герои Советского Союза Байдуклов и Беляков, горячо приветствуемые всеми присутствующими.

Тов. Орджоникидзе представляет слово товарищу Сталину. Весь зал стоит приветствует вождя народов бурными овациями, криками «ура».

Товарищ Сталин говорит о качествах, которые характеризуют Героя Советского Союза, говорит о наших летчиках — ярых и средних, — из которых выйдут будущие герои. Смелость и отвага — неотъемлемые качества Героя Советского Союза. Летчик — это концентрированная

воля, характер, умение идти на риск. Но смелость и отвага, — говорит товарищ Сталин, — это только одна сторона героизма. Другая сторона, — не менее важная, — это умение. Смелость тогда, когда смелость, отвага, готовность к риску сочетаются с отличными знаниями. Финал самолета «АНТ-25» — гг. Чкалов, Байдуклов и Беляков, — указал товарищ Сталин, — счастливо сочетают большую смелость и отвагу со знанием и умением использовать новейшие достижения техники.

В конце речи, неоднократно прерываемой бурными овациями всего зала, товарищ Сталин провозглашает тост:

— За Героев Советского Союза Чкалова, Байдуклова, Белякова; за присутствующих здесь Героев Советского Союза Громова, Володькова, Слесневых; за летчиков, малых и больших, — невзвешно, кто малый, кто большой, это будет доказано на деле; за Кокинника, который случайно не попал в Герои Советского Союза, но который попадет, — а ему это предсказываю.

Речь товарища Сталина, выслушанная с напряженным вниманием, была покрыта бурными овациями всего зала, возгласами «ура». «Да здравствует товарищ Сталин!», «Да здравствует Герой Советского Союза!»

В перерывах между речами выступили артисты Большого театра: народная артистка республики Степанова, Давыдова, артист Норпов и др. Тепло приветствовали Чкалова, Байдуклова и Белякова Герои Советского Союза гг. Володьков и Слеснев.

До поздней ночи продолжалась аздушная беседа руководителей партии и правительства с Героями Советского Союза, работниками тяжелой промышленности и Красной Армии.

У ГЕРОЕВ СТАЛИНСКОГО МАРШРУТА Вызов писателям

Только что окончился грандиозный митинг специалистов и рабочих ЦАГИ, на котором выступали Герои Советского Союза гг. В. П. Чкалов и А. В. Беляков.

На трибуне, за столом президиума, мы беседуем с В. П. Чкаловым.

— Я все время, — говорит он, — несмотря на загруженность работой, внимательно слежу за художественной литературой. Дома у меня большая библиотека классиков и современных мастеров художественного слова. С особым вниманием слежу я за новинками наших советских авторов.

Книга Н. Островского «Как закалялась сталь» произвела на меня буквально неизгладимое впечатление. Нужно, чтобы такая книга было у нас как можно больше.

До сих пор в нашей художественной литературе очень слабо показаны советские герои сегодняшнего дня — летчики, передовые станочники и т. д.

Те произведения, которые до сих пор были написаны о летчиках, не удовлетворяют в количественном отношении и не всегда стоят на должной художественной высоте. Нам нужны романы и повести о лучших людях советской авиации, на примере которых могли бы учиться наши молодые.

Думаю, что хорошо было бы, чтобы творческие бригады писателей принялись за создание художественных произведений, изображающих отдель-

ные участки той гигантской созидательной работы в нашей стране, в результате которой только и возможны такие перелеты, как наш Сталинский маршрут.

Завелись тем в замечательные образы людей найдут советские художники слова, в частности на наших заводах, строящих такие великие самолеты, как «АНТ-25». Было бы только творческое желание у наших писателей воплотить эти темы и эти люди в монументальные художественные образы.

Мы сидим в уютном номере гостиницы «Москва» у Героя Советского Союза т. А. В. Белякова.

— Через два дня после нашего возвращения в Москву, — рассказывает Александр Васильевич, — 12 августа я решил провести день отдыха, как и всякий честный советский труженник, за городом. Отправился с женой в Голицыно — в писательский дом отдыха, где живет мой друг Н. Ф. Бальчинов.

Этой поездкой я остался очень доволен. Меня никто ни о чем не спрашивал, хотя несомненно всем было интересно послушать рассказ о перелете. Должно быть видели, что очень устал Вероятно поэтому, — улыбаясь т. Беляков, — и писатели, и дом отдыха произвели на меня прекрасное впечатление.

Если художники слова действительно хотят узнать подробности нашего интереснейшего перелета, то у меня

есть конкретное предложение: пусть организуют бригаду или небольшую группу и ознакомятся с опубликованными уже материалами. Новые факты и подробности я охотно расскажу им, если бы для этого понадобилось все что угодно. Мою группу писателей должна создать литературно-художественное произведение на материале нашего перелета.

Подчеркиваю — литературно-художественное произведение. Я собираюсь писать книгу, посвящую итоги нашего перелета, но это будет научно-технический труд. Многие о нашем полете уже написано и стало достоянием миллионов читателей «Правды» и других газет. Большая часть этих материалов собрана в книгу «По Сталинскому маршруту». Но это все, за исключением официальных материалов, — репортажи, правдивые и точные арены фактов, достаточно грамотные в литературном и техническом отношении. А надо и можно написать о нашем беспосадочном полете захватывающий роман, подобно тому, как это сделал А. С. Серафимович. Я имею в виду его «Железный поток», написанный по рассказам т. Ковалева.

Однажды я читал роман об экспедиции на Северный полюс. Это — «Белая габель» Лаврентьева. Не берусь судить, насколько верно удалось автору описать действительные события экспедиции Амундсена, но ему несомненно удалось вызвать у читателя волнующие чувства. Мне думается,

что т. Лаврентьева следовало бы привлечь к написанию книги о нашем перелете.

Об авиации пишут вообще крайне мало. Мне попались книги И. Рахилова, Н. Шпанова и других. Но этих книг недостаточно. Писатели в большинстве до сих пор не знают, как это было.

Мои будни очень загружены, читать приходится не так уж много, поэтому с новейшей художественной литературой я плохо знаком. Читая главным образом тома, когда захожу в отпуск.

Неудовольно до полета удалось прочитать печатанный в «Красной Новь» роман — «Пушкин в Михайловском». Мне очень понравилась эта вещь потому, что она действительно знакомит читателя с Пушкиным. Поэзия открыла мне великого поэта, как простого, понятного и близкого человека, тогда как обычно образ Пушкина у литераторов подается холодным, холудым. Свой пробыл в течение я собираюсь закончить в ближайшее время.

В начале сентября думаю уехать на отдых.

Если писатели захотят беседовать о нашем полете, пусть поторопятся сделать это до 1 сентября.

★
Георгий Филиппович Байдуклов встречает нас с маленькой дочкой в руках. Девочка привыкла к тому, что в те короткие часы, когда отец дома, — он занят. Она молча сидит у него на коленях и покорно ждет конца нашей беседы.

★
Встретившись с Байдукловым, мы рассказываем т. Байдуклову о предложении т. Белякова писателям. — Несомненно и вы охотно поделитесь подробностями о вашем героическом перелете?

— Не откажусь, охотно расскажу все, что вспомню, но Александр Васильевич сделает это лучше — у него поэтическая душа!

★
Говоря о будущей книге советских писателей, т. Байдуклов также упоминает повесть Лаврентьева «Белая габель».

— Он смущенно признается, что современных советских писателей не так уж хорошо знает.

— Много приходится читать специальной литературы. На беллетристику времени почти не остается.

— Из последних книг, которые читал, сильное впечатление произвел на меня роман Н. Островского «Как закалялась сталь». Это — прекрасная книга. Я прерываю ее несколько раз, некоторые места знаю чуть ли не наизусть. Кстати, Островский написал новую книгу, которую я до сих пор не прочел. Пожалуйста, помните, не забывайте ее.

★
В дальнейшей беседе т. Байдуклов называет из прочитанных и понравившихся ему авторов — А. Авдеев и И. Эренбург.

— Читая т. Беляков с зеленым блокнотом в руках. Он продолжает и здесь вести беседу. Телефонный звонок товарища Героя Советского Союза.

★
Беседа прерывается.

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ МАМЕД КУЛИ-ЗАДЕ

Патриархально-феодалные отношения, господствовавшие во времена на-...

о воскресении ими мертвых дурчат, пробит и насилуют добродетельное...

Однако, осуждая брак «снйба», Мамед-Кули-заде не указывал, как его...

Ужасающее положение трудящихся в колониальной России и в других...

«Мертвецов» как утверждает в предисловии к книге критик Али Назим...

Неправильно утверждение Али Назима, что Мамед-Кули-заде «с периода...

Однако Али Назим делает неожиданный вывод. Он утверждает, что «Искандер...

Псевдоним Мамеда-Кули-заде, таким образом, не был отвлеченным творчеством...

Джалил Мамед-Кули-заде (Молла Наср-ад-дин). Избранные сочинения.

Перевод с тюркского Азиза Шарифа. Редакция и предисл. Али Назима.

Текст книги подготовлен к печати литературной секцией азербайджанского филиала Академии наук Союза ССР.

Художественное оформление книги — народного художника АССР Азиза Азиз-заде. Закнж. Типнж. 1936 г., стр. 245, ц. в р. 50 к., 10.000 экз.

«Трудный шаг». С рисунка знаменитого испанского художника Гойи.

Встреча с астурийцем

Карл ШМЮКЛЕ

Я вспоминаю этого человека как отчаянно, словно мы вылетели этим летом. Мне кажется, я все еще слышу его...

Тот, кому хоть однажды пришлось столкнуться с испанскими рабочими, знает, с какой любовью и восхищением...

Из чудесной сатиры на давно умершего древнеиспанского гильяло мой товарищ привел примеры, которые...

Этого человека звали Ибабье, Мигуэль Ибабье. Я познакомился с ним случайно, в одном из астурийских кафе...

Мой друг навсегда сохранил воспоминание о эвонком, столь же мучительном, как и гармоничном, звучании сервантесовского языка...

Вста вышла речь о Сервантесе, Ибабье овладело неутолимое воодушевление. Он знаком был со всеми...

Ибабье был горнорабочий из Астурии — сын испанской женщины. Силами не бился, чтобы заработать на кусок хлеба...

Ибабье провел эту параллель с таким поразительным остроумием, с таким искусством, что мне сразу стало понятно...

Все это случилось, как я уже сказал, много лет тому назад. Ибабье совсем исчез с моего горизонта. Мое рождение...

Л. КЛИМОВИЧ.

СЛОВО ЧИТАТЕЛЯ

О «Ялгубе» Г. Фиша

ТЕПЕРЬ Я ЗНАЮ КАРЕЛИЮ

Для молодых читателей, которые еще не побывали в Карелии, книга Г. Фиша...

Основной недостаток книги в том, что в нее включены рассказы, которые не относятся к Карелии. Они лишены в этой хорошей и полезной книге.

Хромченко

Студент Машинностроительного института.

ЛИТЕРАТУРНО И КНИЖНО

За исключением Марии, я не нашёл ни одного запоминающегося образа в этой книге.

Изык книги чересчур литературный. Малокультурный человек, каким является Илбаев, не может так говорить. Его речь насыщена поэтическими образами и метафорами.

Непонятно, почему автор, давая самостоятельные рассказы, вдруг вводит в них уже знакомые читателю действующие лица. Это вызывает у читателя только недоумение.

Саломатин

Экономист Глазгирепрома.

О НЕДОСТАТКАХ «ЯЛГУБЕ»

Автор задается большой целью — показать жизнь Карелии за 25-летний период. Была бы «Ялгуба» не выражает эту большую тему.

Рассказы, помещенные в книгу, плохо связаны между собой. В них чувствуется монотонность. Нельзя давать в произведении только монологи.

Орлов

Начальник буровых работ Метростроя.

ПОКАЗ СОВЕТСКОЙ КАРЕЛИИ

Книга сделана хорошо. Написана она образным, легким языком, правдиво передающим специфику карельской речи.

В книге нет показа строительства Карелии. Автор больше внимания уделял историческим анекдотам. Они звучат неудачливо.

Тараскин

Палагод рабфакта города Метростроя.

ЖИВЕШЬ ВМЕСТЕ С ГЕРОИМИ

В «Ялгубе» хорошо показана колхозница, которая во время пожара осталась на посту и не пошла спасать собственное имущество.

Книга хорошая, но она мала для того, чтобы полно показать Карелию.

Автор должен еще вернуться к этой теме и показать читателю мало известную широкую массу советскую Карелию.

Кулаков

Заведующий общим отделом Глазгирепрома.

КНИГА БЕЗ ГЕРОЕВ

Тов. Фиш изобразил несколько оригинальную форму показа Карелии. Это имеет и положительные и отрицательные стороны.

К достоинствам книги надо отнести язык, который звучит с каждой страницей, простоту, которую дышит повествование, наконец, стиль рассказов.

Я не утешусь этой книгой так, как «Пашением Кимас-оэра». Читатель требует, чтобы художник взглянул его в свой рассказ, взглянул же за живое и повел за собой, если же этого нет, произведение кажется неполноценным.

Эйхлер

Электромонтер шахты 54-56 Метростроя.

ВЫВОДЫ НАПРАШИВАЮТСЯ САМИ

Если рассматривать книгу Г. Фиша «Ялгуба» как сборник отдельных рассказов, она не производит большого впечатления.

Автор не навязывает читателю своих выводов. Показывая заброшенную, нищую и убогую страну, где народу приходится тысячу верст идти пешком, чтобы принести себе луд хлеба...

Большое всего поговаривая рассказ «Развечник». Правильно и четко сумел показать автор молодую советскую девушку-комсомолку, беззаветно отдающую все свои силы для достижения научной цели.

Орлов

Начальник буровых работ Метростроя.

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ГОРЬКОГО

Б. БЯЛИК

Салтыков-Щедрин создал бесмертный образ паробоченного русского народа — Конону, для которого не существует «ни благоухания, ни гармонии звуков, ни сочетания цветов»...

«Те, кому жизнь мила, — вот поэты». Все творчество Горького было устремлено к этим людям, к этому будущему, ставшему теперь настоящим...

Горький противопоставил жизни Конони жизнь горьких борцов против рабства, жизнь Данко, безумно храброго, мечту о тех людях будущего, о которых можно было бы сказать словами старухи Изергиль...

«Рабочий класс, идущий ныне к власти над миром, является родоначальником нового человечества и совершенно нового отношения к миру»...

Сказанное о новом чувственном сознании, т. е. о новом видении мира, присущем социалистическому человеку, ставит более ясным, если мы напомним об одной замечательной реплике Маркса...

Одна из горьковских статей последних лет как бы прямо развивала эти мысли в применении к искусству: «Поэты прошлых времен восхитились красотами и дарами природы»...

«Об этом же писал Горький в одном из своих последних писем — в замечательном письме к М. Соколову: «Срабатанье — повар мира, и надобно его ненавидеть для того, чтобы искоренить»...»

«О литературе», стр. 325 («О социалистическом реализме», 1933).

«О литературе», стр. 144 («О письмах» 1932 г.).

«О литературе», стр. 99 («О библиотеке поэта», 1931 г.).

родой, за власть над ней и, разрешая себе — не часто — гнев на дурных, в которых двинулось общественное сознание во все прошлые эпохи.

Новое видение мира, присущее социалистическому человеку, означает не только новый взгляд на природу, но и новый взгляд на человеческое общество, на все стороны человеческой жизни.

«О литературе», стр. 325 («О социалистическом реализме», 1933).

о самого начала увидеть, по самим творческим признакам, различие между будущим социалистическим революционным и будущим бюрократическим Бальмонтом.

Именно поэтому Горький так обобщил свои мысли о сущности и цели искусства: «...основное назначение искусства — возвыситься над действительностью, взглянуть на действительность с высоты тех прекрасных целей, которые поставила перед собой жизнь»...

«О литературе», стр. 216 («О том, как я учился писать» 1923 г.).

Зарубежом

НОВЫЙ РОМАН С. УОРНЕР

Вышел новый роман английской писательницы Сильвии Таусенд Уорнер «Его покой» — в переводе 1948 г. Сильвия Уорнер ввелась себе определенную репутацию в буржуазных литературных кругах, особенно большой популярностью она пользуется в Америке. Буржуазные критики не устали превозносить ее тонкий юмор, ее легкую манеру и т. п. Однако, последняя ее книга явилась для них полной неожиданностью: Сильвия Уорнер очень недвусмысленно высказала мысль о том, что единственным выходом для человечества является коммунизм.

«ЭБИНГЕРСКАЯ ЖАТВА»

Вышла новая книга известного английского писателя Э. М. Форстера «Эбингерская жатва». Форстер не принадлежит к числу плодотворных писателей — с 1928 по 1936 г. он выпустил только одну книгу. Несмотря на этот длительный период молчания и очень узкую жизнь в деревне, Форстер не оторвался от жизни, он понял неизбежность рождения нового мира. В связи с выходом «Эбингерской жатвы» американский революционный журнал «Нью Мессеж» поместил статью Грэнвилла Хикса о творческом пути Форстера.

Во всех ранних романах Форстера («Там, где англы боятся ступить», «Самый длинный путь», «Комната с видом», «Конец Говарда») герой — мелкий буржуа задирается в окружающий его мир, но не может о нем порвать до конца. Герою этому противопоставляется человек другой среды, обычно беззаботный, авантюристический, беспринципный и безответственный — это полный жизни Форстер — противостоит «железобетонной» жизни этих людей — жизни героя, сковавшего условиями мешающей среды.

Хикс считает, что уже в этот период (1905—1910 г.) Форстер отличается от писателей своего поколения. «Противоречия капиталистического мира — пишет Хикс — мешают человеку выявить свои творческие возможности для этого необходимого другой социальной ступени. Если писатель ценит в человеке его возможности и если он ясно видит, что требуется для их реализации, он должен быть революционером. Вот в этом втором «если» и таится загвоздка: большинство писателей ценит жизнь, но немногие из них понимают ее. Так, Д. Г. Уорнер, писатель, в котором Уорнер был много общего, углубил в своей психоанализе, сексуально-мистических от-

том, что последняя ее книга гораздо серьезнее, чем все предыдущая, что автор занят здесь вопросом о сложных человеческих отношениях, что это комедия нравов и т. п.

Однако Уорнер и здесь не отказывается от юмора: она называет брата нечестным боксером; по ее мнению, либерализм британских правящих классов заключается в том, что они считают неуманным, если для какой бы то ни было расы трудятся в качестве рабов, тогда как их можно гораздо лучше использовать как прислугу и т. д. Но юмор этого рода уже не вызывает восторга у бывших поклонников Сильвии Уорнер.

В 1924 г. вышел наиболее известный роман Форстера «Поэзия в Индии». Он получил за него две литературные премии — в Англии и во Франции. Этот роман был переведен у нас в 1928 г. «Поэзия в Индии» охотно отличается от колониально-империалистических или экзотических английских романов об Индии. Хикс отмечает, что эта книга Форстера провозгласила подлинную любовь к человеку, верой в его творческие силы.

Последняя книга Форстера, «Эбингерская жатва» — сборник очерков, этюдов, статей, написанных на протяжении тридцати лет (Эбингер — деревня, в которой живет Форстер). Сборник делится на несколько частей: «Настоящие», «Книги» (краткие очерки об Иосифе, Эпикте, Прусте, Льюисе и др.); здесь Форстер проявляет себя как тонкий и серьезный критик; «Прошлое» (картины из жизни Валтера Гиббона, Кольбрида и Кинга), «Восток» (серия заметок на ту же тему, что и роман «Поэзия в Индии»). Последняя часть книги посвящена Эбингеру.

Форстер ясно сознает причины крушения буржуазной культуры — пишет Хикс. В 1934 г. он утверждал, что ни одна политическая программа, за исключением коммунизма, не дает мыслящему человеку никакой надежды. В 1936 г. в своей речи на международном конгрессе в защиту культуры он заявил: «Фашизм творит зло для того, чтобы в мире воцарилось зло... Я не коммунист, хотя, может быть, я мог бы им стать, если бы я был моложе и смелее, потому что в коммунизме я вижу надежду».

В 1919 году Иеш поступил в венгерскую красную армию. После подавления советской власти он должен был бежать. В эмигрантском лагере «Молодость» описал этот период его жизни. В 1934 году Иеш посетил Советский Союз, он был приглашен на первый съезд писателей. Недавно он выпустил книгу об этой поездке. Иеш многого не увидел в нашей действительности, и многое из того, что он видел, неправильно понял. Но его книга — это первая книга, вышедшая в Венгрии о Советском Союзе. Огромный успех, которым она пользуется, говорит о горячем интересе венгерского народа к Стране советам. В 1936 году Иеш издал «Альманах советской литературы» — раскрасил 10 советских писателей (М. Горький, А. Толстой, Вс. Иванов, Ю. Олеся и др.), впервые представил на венгерском языке советских писателей, до сих пор упорно замалчиваемых.

Несколько месяцев назад вышла новая книга Иеша «Ватраки» — о жизни сельских рабочих, о жизни послевоенной Венгрии, о тяжелых условиях существования миллионов трудящихся. Книга имеет большое влияние в Венгрии, но о ней должны узнать и за пределами этой страны.

ЯН МАТЕЙКА

Поэму В. Маяковского «150 000 000» выпускает Гослитиздат с иллюстрациями художника Денисовского.

Неизвестные стихи А. В. Кольцова

Л. ПЛОТКИН

Жизнь Кольцова была полна острого драматического контраста. Еще Белинский во вступительной статье к первому посмертному собранию сочинений поэта в 1846 г. писал:

«Прасоло, верхом на лошади гонимый скот с одного поля на другое, по холмам и в долине присутствующий при развалин скота; призрачный, стоящий на базаре у возов с салом и метатурой он заявляет: «Фашизм творит зло для того, чтобы в мире воцарилось зло... Я не коммунист, хотя, может быть, я мог бы им стать, если бы я был моложе и смелее, потому что в коммунизме я вижу надежду».

Жизнь Кольцова была полна острого драматического контраста. Еще Белинский во вступительной статье к первому посмертному собранию сочинений поэта в 1846 г. писал:

«Прасоло, верхом на лошади гонимый скот с одного поля на другое, по холмам и в долине присутствующий при развалин скота; призрачный, стоящий на базаре у возов с салом и метатурой он заявляет: «Фашизм творит зло для того, чтобы в мире воцарилось зло... Я не коммунист, хотя, может быть, я мог бы им стать, если бы я был моложе и смелее, потому что в коммунизме я вижу надежду».

Жизнь Кольцова была полна острого драматического контраста. Еще Белинский во вступительной статье к первому посмертному собранию сочинений поэта в 1846 г. писал:

«Прасоло, верхом на лошади гонимый скот с одного поля на другое, по холмам и в долине присутствующий при развалин скота; призрачный, стоящий на базаре у возов с салом и метатурой он заявляет: «Фашизм творит зло для того, чтобы в мире воцарилось зло... Я не коммунист, хотя, может быть, я мог бы им стать, если бы я был моложе и смелее, потому что в коммунизме я вижу надежду».

Жизнь Кольцова была полна острого драматического контраста. Еще Белинский во вступительной статье к первому посмертному собранию сочинений поэта в 1846 г. писал:

«Прасоло, верхом на лошади гонимый скот с одного поля на другое, по холмам и в долине присутствующий при развалин скота; призрачный, стоящий на базаре у возов с салом и метатурой он заявляет: «Фашизм творит зло для того, чтобы в мире воцарилось зло... Я не коммунист, хотя, может быть, я мог бы им стать, если бы я был моложе и смелее, потому что в коммунизме я вижу надежду».

Жизнь Кольцова была полна острого драматического контраста. Еще Белинский во вступительной статье к первому посмертному собранию сочинений поэта в 1846 г. писал:

«Прасоло, верхом на лошади гонимый скот с одного поля на другое, по холмам и в долине присутствующий при развалин скота; призрачный, стоящий на базаре у возов с салом и метатурой он заявляет: «Фашизм творит зло для того, чтобы в мире воцарилось зло... Я не коммунист, хотя, может быть, я мог бы им стать, если бы я был моложе и смелее, потому что в коммунизме я вижу надежду».

Жизнь Кольцова была полна острого драматического контраста. Еще Белинский во вступительной статье к первому посмертному собранию сочинений поэта в 1846 г. писал:

«Прасоло, верхом на лошади гонимый скот с одного поля на другое, по холмам и в долине присутствующий при развалин скота; призрачный, стоящий на базаре у возов с салом и метатурой он заявляет: «Фашизм творит зло для того, чтобы в мире воцарилось зло... Я не коммунист, хотя, может быть, я мог бы им стать, если бы я был моложе и смелее, потому что в коммунизме я вижу надежду».

Жизнь Кольцова была полна острого драматического контраста. Еще Белинский во вступительной статье к первому посмертному собранию сочинений поэта в 1846 г. писал:

«Прасоло, верхом на лошади гонимый скот с одного поля на другое, по холмам и в долине присутствующий при развалин скота; призрачный, стоящий на базаре у возов с салом и метатурой он заявляет: «Фашизм творит зло для того, чтобы в мире воцарилось зло... Я не коммунист, хотя, может быть, я мог бы им стать, если бы я был моложе и смелее, потому что в коммунизме я вижу надежду».

Жизнь Кольцова была полна острого драматического контраста. Еще Белинский во вступительной статье к первому посмертному собранию сочинений поэта в 1846 г. писал:

«Прасоло, верхом на лошади гонимый скот с одного поля на другое, по холмам и в долине присутствующий при развалин скота; призрачный, стоящий на базаре у возов с салом и метатурой он заявляет: «Фашизм творит зло для того, чтобы в мире воцарилось зло... Я не коммунист, хотя, может быть, я мог бы им стать, если бы я был моложе и смелее, потому что в коммунизме я вижу надежду».

Жизнь Кольцова была полна острого драматического контраста. Еще Белинский во вступительной статье к первому посмертному собранию сочинений поэта в 1846 г. писал:

«Прасоло, верхом на лошади гонимый скот с одного поля на другое, по холмам и в долине присутствующий при развалин скота; призрачный, стоящий на базаре у возов с салом и метатурой он заявляет: «Фашизм творит зло для того, чтобы в мире воцарилось зло... Я не коммунист, хотя, может быть, я мог бы им стать, если бы я был моложе и смелее, потому что в коммунизме я вижу надежду».

Жизнь Кольцова была полна острого драматического контраста. Еще Белинский во вступительной статье к первому посмертному собранию сочинений поэта в 1846 г. писал:

«Прасоло, верхом на лошади гонимый скот с одного поля на другое, по холмам и в долине присутствующий при развалин скота; призрачный, стоящий на базаре у возов с салом и метатурой он заявляет: «Фашизм творит зло для того, чтобы в мире воцарилось зло... Я не коммунист, хотя, может быть, я мог бы им стать, если бы я был моложе и смелее, потому что в коммунизме я вижу надежду».

Жизнь Кольцова была полна острого драматического контраста. Еще Белинский во вступительной статье к первому посмертному собранию сочинений поэта в 1846 г. писал:

«Прасоло, верхом на лошади гонимый скот с одного поля на другое, по холмам и в долине присутствующий при развалин скота; призрачный, стоящий на базаре у возов с салом и метатурой он заявляет: «Фашизм творит зло для того, чтобы в мире воцарилось зло... Я не коммунист, хотя, может быть, я мог бы им стать, если бы я был моложе и смелее, потому что в коммунизме я вижу надежду».

Жизнь Кольцова была полна острого драматического контраста. Еще Белинский во вступительной статье к первому посмертному собранию сочинений поэта в 1846 г. писал:

«Прасоло, верхом на лошади гонимый скот с одного поля на другое, по холмам и в долине присутствующий при развалин скота; призрачный, стоящий на базаре у возов с салом и метатурой он заявляет: «Фашизм творит зло для того, чтобы в мире воцарилось зло... Я не коммунист, хотя, может быть, я мог бы им стать, если бы я был моложе и смелее, потому что в коммунизме я вижу надежду».

Жизнь Кольцова была полна острого драматического контраста. Еще Белинский во вступительной статье к первому посмертному собранию сочинений поэта в 1846 г. писал:

«Прасоло, верхом на лошади гонимый скот с одного поля на другое, по холмам и в долине присутствующий при развалин скота; призрачный, стоящий на базаре у возов с салом и метатурой он заявляет: «Фашизм творит зло для того, чтобы в мире воцарилось зло... Я не коммунист, хотя, может быть, я мог бы им стать, если бы я был моложе и смелее, потому что в коммунизме я вижу надежду».

Жизнь Кольцова была полна острого драматического контраста. Еще Белинский во вступительной статье к первому посмертному собранию сочинений поэта в 1846 г. писал:

«Прасоло, верхом на лошади гонимый скот с одного поля на другое, по холмам и в долине присутствующий при развалин скота; призрачный, стоящий на базаре у возов с салом и метатурой он заявляет: «Фашизм творит зло для того, чтобы в мире воцарилось зло... Я не коммунист, хотя, может быть, я мог бы им стать, если бы я был моложе и смелее, потому что в коммунизме я вижу надежду».

Жизнь Кольцова была полна острого драматического контраста. Еще Белинский во вступительной статье к первому посмертному собранию сочинений поэта в 1846 г. писал:

«Прасоло, верхом на лошади гонимый скот с одного поля на другое, по холмам и в долине присутствующий при развалин скота; призрачный, стоящий на базаре у возов с салом и метатурой он заявляет: «Фашизм творит зло для того, чтобы в мире воцарилось зло... Я не коммунист, хотя, может быть, я мог бы им стать, если бы я был моложе и смелее, потому что в коммунизме я вижу надежду».

Жизнь Кольцова была полна острого драматического контраста. Еще Белинский во вступительной статье к первому посмертному собранию сочинений поэта в 1846 г. писал:

«Прасоло, верхом на лошади гонимый скот с одного поля на другое, по холмам и в долине присутствующий при развалин скота; призрачный, стоящий на базаре у возов с салом и метатурой он заявляет: «Фашизм творит зло для того, чтобы в мире воцарилось зло... Я не коммунист, хотя, может быть, я мог бы им стать, если бы я был моложе и смелее, потому что в коммунизме я вижу надежду».

Жизнь Кольцова была полна острого драматического контраста. Еще Белинский во вступительной статье к первому посмертному собранию сочинений поэта в 1846 г. писал:

«Прасоло, верхом на лошади гонимый скот с одного поля на другое, по холмам и в долине присутствующий при развалин скота; призрачный, стоящий на базаре у возов с салом и метатурой он заявляет: «Фашизм творит зло для того, чтобы в мире воцарилось зло... Я не коммунист, хотя, может быть, я мог бы им стать, если бы я был моложе и смелее, потому что в коммунизме я вижу надежду».

Жизнь Кольцова была полна острого драматического контраста. Еще Белинский во вступительной статье к первому посмертному собранию сочинений поэта в 1846 г. писал:

«Прасоло, верхом на лошади гонимый скот с одного поля на другое, по холмам и в долине присутствующий при развалин скота; призрачный, стоящий на базаре у возов с салом и метатурой он заявляет: «Фашизм творит зло для того, чтобы в мире воцарилось зло... Я не коммунист, хотя, может быть, я мог бы им стать, если бы я был моложе и смелее, потому что в коммунизме я вижу надежду».

Жизнь Кольцова была полна острого драматического контраста. Еще Белинский во вступительной статье к первому посмертному собранию сочинений поэта в 1846 г. писал:

«Прасоло, верхом на лошади гонимый скот с одного поля на другое, по холмам и в долине присутствующий при развалин скота; призрачный, стоящий на базаре у возов с салом и метатурой он заявляет: «Фашизм творит зло для того, чтобы в мире воцарилось зло... Я не коммунист, хотя, может быть, я мог бы им стать, если бы я был моложе и смелее, потому что в коммунизме я вижу надежду».

Жизнь Кольцова была полна острого драматического контраста. Еще Белинский во вступительной статье к первому посмертному собранию сочинений поэта в 1846 г. писал:

«Прасоло, верхом на лошади гонимый скот с одного поля на другое, по холмам и в долине присутствующий при развалин скота; призрачный, стоящий на базаре у возов с салом и метатурой он заявляет: «Фашизм творит зло для того, чтобы в мире воцарилось зло... Я не коммунист, хотя, может быть, я мог бы им стать, если бы я был моложе и смелее, потому что в коммунизме я вижу надежду».

«МАЯКОВСКИЙ В ГРУЗИИ»

У нас еще довольно мало сделано для изучения жизни и творчества Маяковского. Это изучение только начинается. Биография Маяковского еще не написана. Поэтому особую важность приобретает собрание в публикация материалов, документов, воспоминаний о различных этапах жизни Маяковского.

Ценную работу предприняло издательство тифлисской газеты «Зоря Востока», выпускающее в ближайшем будущем сборник «Маяковский в Грузии».

Сборник открывает автобиографическая заметка Маяковского «Я сам и его проведенья», относящаяся к Грузии: отрывком из «Любовь и стихотворения» «Владикавказ — Тифлис» и «Тамара и Демон».

Затем идут статьи, очерки и воспоминания, характеризующие деятельность Маяковского, проследившие им в Грузии (Багдади и Кутана, 1893 — 1906), и его приезд в Тифлис в 1914 и 1924 годах. Часть из этих статей уже была опубликована в Москве и Тифлисе, часть впервые появляется в печати.

Очень интересна статья старшей сестры поэта Л. В. Маяковской «Детство Владимира Маяковского». Статья составителя сборника Г. В. Бесбутова «Челюстические годы Владимира Маяковского» (материалы в биобиографии) представляет собой результат ценной исследовательской работы автора, проведенной им в архивах Кутаиса. Г. В. Бесбутов знаком читателя с рядом неизвестных фактов из жизни Маяковского, описывает атмосферу школьных лет Маяковского и подробно останавливается на участии ученика кутаисской гимназии в революционном движении 1905 года (обстоятельно, сыгранное, как это видно и из «автобиографических заметок Маяковского, очень большую роль в его развитии).

Поэт К. Назирадзе, бывший учеником этой же гимназии в очерке «Кутана и его люди» дает характеристику города и гимназии в период пребывания в ней Маяковского.

Статья В. Канделаки «Встречи с Маяковским» в большей своей части выходит за рамки этого сборника, рассказывая о Маяковском в первые годы его жизни в Москве. Но, разумеется, от этого она не теряет интереса.

Василий Каменский («С Маяковским в Тифлисе») и Сергей Спасский («Встречи в Тифлисе») рассказывают о выступлениях Маяковского вместе с Д. Бурлаком и В. Каменским в Тифлисе в 1914 г.

Заслуженный деятель искусств Н. Гамкрелишвили в воспоминаниях «Мистифицированный В. Маяковский в творческих исканиях К. Марджанишвили» по-прежнему в Тифлисе «Буфф» предпринимал К. Марджанишвили (в Юношеском театре) и об отношении Маяковского к этим замыслам.

«Свет в лесу» Виктора Шкловского — впечатления от поездки на родину Маяковского — Багдади — будет помещен в сборнике.

Определенную ценность представляют и комментарии, в которых ряд дополнительных сведений, существенных для биографии Маяковского, о фотографии — снимки архивных документов и виды Багдади и Кутана.

Жаль, что в сборник не включены интересные высказывания И. Н. Асеева о влиянии детских впечатлений Маяковского на систему его поэтических образов.

Сборник далеко не исчерпывает всех материалов о детстве Маяковского и о его позднейших приездах в Тифлис. Но это ни в коей мере не умаляет его значения как первого собрания материалов к биографии Маяковского. Начинание тифлисских товарищей должно послужить примером для москвичей. Сколько людей встречалось и общалось с Маяковским, сколько материалов о нем можно найти в московских архивах! Пора всерьез заняться собиранием этих воспоминаний и документов и ознакомлением с ними массы читателей, желающей поближе узнать Маяковского.

А. ФЕВРАЛЬСКИЙ

Машина Люллия

Е. ВЕЙСМАН

Средневековый поэт Раймонд Люллия удалялся в горы Мирамор, основывая там монастырь и возмещая всех мучивших его в христианской помощи высланных из общин понятий воспевающих, универсальных истин.

Свою теорию Люллия назвал «вечным искусством», а для практических поисков истины изобрел «логическую машину».

Представьте себе несколько вращающихся дисков, разделенных на секторы, в которых обозначены основные категории всего существующего.

Эти круги concentричны, и сектор каждого из них занимает определенное положение к секторам других кругов. Но когда круги начинают вращаться, все изменяется. Получаются другие, новые комбинации понятий. Раймонд Люллия, отождествляя порядок действительности с порядком логическим, был ярым представителем тогдашней схоластики. После смерти «созревшего учителя» многие мастера с восторгом вертели ручку «логической машины».

Некоторые наши литературные магистры к вопросу о творческих группировках подходят с помощью логической машины Раймонда Люллия.

А между тем вопрос о «соединении творческих направлений» является одним из важных вопросов для советской литературы.

Речь идет об организации тех важных творческих симпатий, которые привлекают писателей друг к другу и к определенным журналам. По самой своей природе и назначению наша литературно-художественные

журналы должны вникать за выполнение этой важной задачи.

До сих пор писатели работают замкнуто. Повести и романы они печатают сначала в журналах, потом издают отдельной книжкой. Писателю все равно, в каком журнале тиснуть свою работу. Какая же может быть речь о «творческом лице» журнала, а тем более о его творческом направлении в этих условиях?

О таком положении ясно написал И. Лежнев в статье «Литературная жизнь» 31 января 1936 г. К сожалению, наши журналы не откликнулись по-настоящему на эту верную и принципиальную статью.

Писатели должны вести в журналы работу на основе творческого соревнования и самокритики. За каждый номер журнала морально должен отвечать не только редактор, но и весь авторский актив. Каждый плохой рассказ, напечатанный в журнале, непременно должен получить оценку авторского актива. В процессе такой работы конечно определяются творческие стремления и манера каждого из писателей, активно создающих близкий ему по тем или другим причинам журнал. Равнодушным редактору и критику («спиритизмом») к данному журналу или вообще случайному не может найтись места в таком журнале. Его быстро вытеснит оттуда новый порядок работы.

Мы вправе гордиться такими писателями, как М. Шолохов, Фадеев, Ал. Толстой, создавшими выдающуюся произведения, вошедшие в «золотой фонд» советской литературы.

Эти писатели показывают применение систематической работы, прямо

связанной с советской действительностью.

Но есть у нас еще писатели, которые, отстав от жизни, перепечатывают свои старые работы.

Нередко в этих произведениях, мало полезных для читателя, заключена пошлая и фальшивая проблематика, доходящая и смешная риторика.

Такие писатели — их, к счастью, не так уж много, — благодаря ироничной критике и благодушию читателей по-прежнему начинают превращаться в странную для нашего времени категорию «литературных дворян».

«Дворянское название есть следствие, истекающее от качества и добродетели мужей, отличивших себя в древности заслугами, чем, обращая самую службу в заслугу, приобродевшее название благородных», — писала одна из статей свода законов Российской империи.

Вот именно некоторые наши писатели склонны «обратить самую службу в заслугу». Им надо работать по-новому, кое-чему научиться заново. Но они, желая без основания труда «запечатать в ногу с жизнью», идут с суетливой поспешностью начинают крутить указательным пальцем машинку, строящую по принципам Люллия.

На одном круге ее написано — «Кто», на другом — «стакановское движение», на третьем — «еще что-нибудь современное», но получаемо из такого котлованца формулы линейной жизни, они должны, как само «искусство» схоластики Люллия.

Писатели неучаствуют в работе над современной тематикой, наша «дво-

ряние» с удовольствием занимается произнесением застывших речей, воспоминаниями об умерших писателях или о том, как в юности творческое вание исторично из них первый трювел или новеллу.

Есть у нас и другие писатели, которые не походят на «литературных дворян», но они полами упорно молчат, удаляя, как Раймонд Люллия, на гору Мирамор. Они меланхолично бродят по горным склонам, пока на гору к ошейникам не явится некий соблазнитель на их пути. Он вынимает пергаментный свиток. Здесь размыривается сценка, похожая на испушение са. Англия. Ошейники колеблются веселой скрип вечного рева, подшивающего договор.

Удивительно, что некоторым писателям важная работа в кино над сценарием кажется менее трудной и ответственной, чем работа литературная в прямом смысле этого слова. Но при обсуждении написанного либретто или сценария писатель начинает присутствовать к шуму внутренней тревоги, понимая уже, что работа над сценарием называется кинодраматургией и что она подчинена особым законам кинематографического отражения действительности.

Отель долго молчит Вазель. Почти ничего не печатает, за исключением статей и очерков, Ю. Олеся.

Оба писателя сейчас пожимают кинематограф, работая над сценарием. Может быть, эта работа не станет затянута и поможет им собрать новые материалы для литературных произведений?

При Юстиниане римские юристы выдвинули известную «презумпцию жизни» — презумпция, что «безвестно отсутствующий находится в живых до момента достижения им столетнего возраста». Нам пора сделать творческую переключку, громкую и

честную, чтобы помочь другим безмолвным. Им не нужны ни «презумпция» римского права, ни машина Люллия. Они должны не только числиться в живых по спискам союза писателей, но жить по-настоящему в литературе.

Если журналы смогут организовать работу по-новому, в нее втянутся и оставшиеся, и молчащие, а также писатели забытые и неободренные советскими и ласковым светом редактора — не бюрократ, но авторитетный и знающий человека.

Конечно, предполагаемая работа творческих содружеств писателей не в какой степени не может быть связана с темп англоязыки, которые проводит Эм. Миндлин (журнал «Наши достижения» № 5).

В статье «О возможности реализации» в журнале «Литературная симпатия», смысл ее в практике работы и борьбы в революционных журналах. «Чужие журналы из нас в юности по симпатизировали определенным литературным журналам и альманахам и не чуужались других?» спрашивает Эм. Миндлин. Эм. Миндлин не прав, позволяя себе проводить аналогии между творческим соревнованием советских журналистов и той же борьбой в революционных журналах.

Как видно, в этом вопросе о творческих направлениях есть еще такие взгляды, которые вытекают из непонимания существа и задач советской литературы.

Тот журнал, который сможет объединить и повести вперед группу писателей (как этого достиг уже наш лучший журнал «Знамя», правда, большие еще по отравлению праздника «оборонной тематикой», чем по признанию формирующегося творческого направления), должен будет повести работу и с начинающими писателями.

Сейчас они, как правило, безнад-

зорны. Один из них голым жудт о своих работах первой редакции и не могут ее дождаться. Другое — являются критикой тогда после выхода первой книжки — чаще всего «слабой», тогда они считают себя «признанными к Олимпу», от всяких писем у них становится поперек лица, и они начинают хвалиться.

Откровенность молодых писателей от здоровой творческой среды проявляется в нескольких вариантах.

В Ростове н/Д. молодой поэт Л. Шемшелевич был удивлен в том, что, написав стихотворение по поводу одного из разлостных событий в жизни нашей страны, продал его через некоторое время вторично, но уже слегка переделанным в связи со смертью одного из крупнейших деятелей Советского Союза, Шемшелевича исключили из союза.

Недавно «ЛГ» опубликовала отчет о заседании правления ССП.

В отчете кратко сообщалось, что один молодой и способный писатель в течение года написал для кино-студии три сценария, и что ему за это заплатили пятьдесят тысяч рублей.

Страшное и постыдное в этом сообщении заключается в том, что ни один из трех сценариев не поставлен и не будет поставлен, и что этот писатель — кандидат в члены союза — ничего в этом году для литературы не написал.

Известно, что даже профессиональный сценарист, когда он не хвалится, может написать в год не более двух сценариев при условии непрерывной работы. Следовательно, молодой писатель заведомо шел на залужное дело, а киноорганизация, заключив с ним три договора, не имея опущения производственной реальности того дела, на которое она затратила пятьдесят тысяч советских рублей. Молодой кандидат в члены союза целый год жил как раб.

ничего не написал и, может быть, еще долго ничего не напишет, так как он уже утратил способность работать, как писатель. «Данный» киноруль ему винул презрение в обычном авторскому полному поворору.

Очень хорошо, когда писатель идет работать в кино не от трудностей литературной работы, когда писателя в кино встречают по-хорошему, и работа у него с режиссером и киноруководством улазта так, как улазла она у Вс. Вишневского с режиссером Данганом над фильмом «Мы на Кропшталла».

Но было бы неправильным оставлять молодых писателей без товарищеского наблюдения со стороны правления союза. Они будут превращаться в либреттосты-сценаристов, забывая о своих прямых литературных обязанностях. Молодой писатель, лишенный творческой литературной среды, которая будет составлять прежде всего в журналах, и не нашедший в киноорганизации товарищеской поддержки, научится только с большей или меньшей ловкостью делать сюжетные сценки. В сценарном деле также может вернуться машина Люллия.

★

Советские писатели должны перейти к реальным действиям. Им дороги интересы советской литературы. Они стояли у ее колыбели, они растут вместе с ней. В релакции каждого литературно-художественного журнала редакторы, писатели и критики должны собраться и выяснить, что же такое по существу представляет собой их журнал, чем он должен быть с кем он должен работать и с кем должен спорить.

Без письменных деклараций каждый журнал должен выработать план работы, которую он должен выполнять, представлять нашей культурной эпохой к советской литературе.

